

После этого где-то пили кофе и вели светские беседы, в которых старательно избегали событий этой ночи и всего, что с ними связано. Гарри пробыл здесь гораздо дольше, чем собирался, и успел увидеть, как снова пошел снег. Айвз пытался возражать против его возвращения домой, но было уже поздно и холодно, а те люди все еще могли быть на улице, и хотя предложение разбить лагерь на диване этого человека было заманчивым, он немного скучал по уютной обстановке своего собственного лоскутного дома.

"Ты мне нравишься", - сказал он Иву, натягивая на себя тонкую куртку, готовясь смело вступить в холодную ночь. "Мы еще встретимся".

Улицы были почти безлюдны, в три часа ночи даже толпы людей из танцевальных залов и баров разошлись по домам. Было почти тихо и, несомненно, спокойно, и Гарри тихонько напевал себе под нос, пробираясь по снегу, который, благодаря согревающим чарам, почти не пострадал от холода.

В общем, ночь прошла довольно продуктивно: он повеселился в танцевальном зале, помог уберечься от убийства в переулке и завязал с этим самым мужчиной дружбу. Конечно, он дал себе зарок не заводить дружбу в это время, но, возможно, если он будет стараться не сближаться с людьми, то разлука не будет для него такой тяжелой, когда придет время уходить. К тому же, кто знает, сколько времени пройдет, пока он найдет дорогу домой, не мог же он провести здесь все время, завися от своих престарелых нанимателей и Смерти, с которыми можно завязать разговор. В этом случае он наверняка исполнил бы желание древнего существа - увидеть, как он сходит с ума.

Сон в эту ночь пришёл легко: Гарри не чувствовал холода в своём убежище, его чары держались и ещё несколько недель будут держаться против лютого холода, а тело, уставшее от непомерных нагрузок, связанных с ходьбой, боями и последующей ходьбой, без всякого протеста погрузилось в свою коллекцию тканей и старых простыней. Короткий промежуток времени между тем, как он лег, и рассветом был до обидного коротким, и заставить себя подняться было, пожалуй, самым трудным делом, которое ему пришлось сделать, но если взглянуть на уменьшающийся запас еды и прикинуть, насколько уменьшится его и без того мизерная зарплата, если он посмеет пропустить хотя бы один рабочий день, то это было все, что ему нужно, чтобы заставить себя подняться.

Но если и можно было сказать что-то хорошее о раннем начале дня, то это то, что работа закончилась так же рано. Достаточно рано, чтобы он успел занять место на лестнице еще до того, как его спутница по обеду покинула кафе.

"Ты выглядишь так, словно у тебя был долгий день, а ведь еще нет и полудня".

Гарри едва удержался от того, чтобы не нахмуриться, принимая от собеседника бутерброд и разрывая тонкую бумагу. "Мой день прошел нормально, а вот ночь была длинной".

Помидор на сэндвиче - новое дополнение к его обычному рациону - был достаточно свежим, чтобы его можно было принять за спелый с лозы. Бледный сок потек по запястью при первом

же укусе, и если раньше он небрежно вытер бы его о штанину брюк, то теперь, чтобы не тратить время, он быстро проглотил его.

"Я скучаю по тем временам, когда я был так молод. Оставался на улице до восхода солнца, чтобы пить, танцевать и очаровывать красивых женщин".

Гарри рассмеялся. Пить, танцевать и очаровывать красивых женщин - не совсем то, как прошла его ночь, но достаточно близко, чтобы не исправлять.

"Думаю, впредь я буду держаться подальше от подобных развлечений. Мне кажется, я больше не гоюсь для поздних ночных приключений".

"Пожалуйста." В словах мужчины прозвучала насмешка. "Вы еще молоды. В тебе нет ничего непригодного".

"Вы будете удивлены. Иногда я чувствую себя намного старше своих лет".

"Вы не можете утверждать ничего подобного до тех пор, пока ваши колени не начнут скрипеть при любой попытке встать и ваши кости не начнут протестовать против всего - от подъема по лестнице до раздражительной погоды".

"Ну ладно, тут вы меня опередили".

Уступка Гарри была встречена ехидным смехом, от которого морщинки, обрамляющие глаза его собеседника, стали еще глубже. "Это несерьезная победа. Но если вам не нравятся танцы и разврат, то чем же вы развлекаетесь?"

Гарри пожал плечами. "На самом деле, не так уж и много. Я провожу много времени здесь, - рука, не державшая его бутерброд, указала на библиотеку позади него, - наверстывая все то, что мне было лень читать в школе".

"Не особо мотивированный ученик?"

"Даже близко нет." Рон с ностальгией скривил губы, вспоминая все часы, проведенные вместе с Роном в Хогвартсе. "Мне было гораздо интереснее доставлять неудобства своим профессорам и директору, чем заниматься каким-либо обучением".

"Наверное, это норма для большинства детей. Хотя я сам был немного аномальным, я знал, насколько привилегированным было мое посещение школы, поэтому относился к ней гораздо серьезнее, чем мои сверстники".

Как ни странно, в случае с Гарри всё должно было быть точно так же. Он должен был

воспринимать Хогвартс как грандиозную возможность, которой он и являлся: из унылой школы Стоунволл он перешёл в настоящую волшебную школу. Он был уверен, что любой другой человек в его положении бросился бы в учёбу с гораздо большим энтузиазмом, чем он, - Гермиона была ярким примером такого человека, - но как только новизна магии и других вещей прошла, он присоединился к Рону, который вырос в уверенности, что магия существует, и уклонился от всех своих обязанностей студента. Сейчас, вспоминая об этом, он жалеет, что не проявил хотя бы малейшей инициативы, не стал бы вместе с Гермионой заниматься серьёзно, не считая тех ночей перед экзаменами, когда он судорожно пытался впитать в себя знания нескольких недель за несколько недостаточных часов.

"Я думаю, что хотел бы начать те дни сначала, - тихо сказал он. "Когда все было так просто".

"Это, наверное, мечта каждого. Получить еще один шанс сделать все правильно".

Но у Гарри действительно был шанс сделать это. Заглянуть в своё прошлое и исправить всё, что он сделал неправильно, если только он сможет найти правильный способ сделать это.

Другой мужчина наблюдал за Гарри, каталогизируя каждую эмоцию, которую, как он знал, тот умел скрывать, и когда он предложил сменить тему, тот с благодарностью ухватился за это. "Что вы читаете, когда находитесь там?"

Он пожал плечами. "Все, что захочу. Вчера о последней войне и о том, что привело к этой".

Седая бровь заинтересованно приподнялась. "И что вы узнали?"

"Что Гитлер, как и большинство подобных ему людей, не возник из ничего. Он не появился из ниоткуда и не очаровал хорошо развитую, стабильную страну, заставив ее вступить в войну с остальным миром". Гарри доедал последние кусочки своего сэндвича, который он усиленно созерцал, пока говорил. Он был полон до отвала, но не мог заставить себя потратить его впустую. "Германия была не на той стороне в последней войне, и она жестоко за это поплатилась, и до сих пор жестоко за это платит. И все из-за этого договора".

"Версальский договор", - предложил мужчина.

"Да, тот самый. Версальский договор, который, насколько я могу судить, был составлен при очень незначительном участии Германии, уменьшил ее в размерах, лишил большей части ее вооруженных сил и наложил на нее очень тяжелое обязательство выплатить репарации за весь ущерб, причиненный войной. Они были побеждены, унижены и находились в финансовом кризисе. Гитлер, должно быть, казался немецкому народу находкой в те первые дни, он был очарователен и уверен в себе, говорил медовые слова и давал ложные обещания построить лучший мир, в котором они больше не будут бедными и слабыми, на которых будут смотреть свысока за прошлые ошибки, но в котором они будут высшей расой. Более сильные люди падали за меньшее".

"Значит, Вы не считаете, что Германия не права?"

Гарри нахмурился. "Я думаю, что нужно делать различие между правительством и народом. Правительство, безусловно, ошибается, Гитлер, вероятно, один из самых злых людей, о которых я когда-либо слышал". К ним относился и Волдеморт. "Но я думаю, что немецкий народ - такая же жертва, как и те, на кого Гитлер и его команда направили свое оружие. Возможно, даже в большей степени, потому что большая часть мира не видит этого, им удобно объединять их всех вместе".

"Вы знакомы с войной, но я не могу понять, каким образом". Собеседник Гарри не смотрел прямо на него, его взгляд был устремлен куда-то мимо него, но Гарри все равно чувствовал себя прижатым к месту из-за его пристального внимания. "Вы не можете быть достаточно взрослым, чтобы видеть последствия Великой войны, а между войнами в мире было не так уж много конфликтов".

"Я не так хорошо знаком с ними, как вы, я никогда не видел достаточно масштабной войны, охватывающей континенты". Гарри заколебался, подбирая слова. Его собеседник был очень умён, и он знал, что тот заметит в его словах любую неправду. "Но войны бывают разных форм и размеров. И хотя то, что я пережил, значительно отличалось от нынешней войны, оно все равно было вполне способно привести к тому, что у меня забрали родителей, прежде чем я успел их узнать".

"Мне жаль это слышать".

"Я выжил". Гарри пожал плечами. "То, что мне не дали их узнать, причинило боль, но в то же время облегчило ситуацию. Нельзя тосковать по тому, чего не помнишь, верно? И к тому времени, когда я стал достаточно взрослым, чтобы понять, что я упускаю, я уже начал строить свою собственную лоскутную семью. Они были маленькие, несовпадающие, но я любил их так же горячо, как и всех, кто родился бы в моей семье".

"Где они сейчас?"

Последний укус был пеплом во рту. Как бы он ни любил бутерброд с холодной нарезкой и как бы ни не любил тратить продукты впустую, еда была просто невкусной, когда он вспоминал щекотливую тему своей семьи.

"Ушел". Вот на чем он в конце концов остановился. "Я потерял их после конфликта и смерти. Когда я думал, что наконец-то наступило время мира".

"И теперь здесь только ты?"

Гарри склонил голову в неглубоком кивке. "Теперь только я".

<http://tl.rulate.ru/book/98824/3361014>